

Π РОСТРАНСТВО
ЕРЕВОДА

АНТониО ПЕРЕЙРА НОБРЕ
МЕЛЬНИК
НОСТАЛЬГИИ



Перевод
ИРИНЫ ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВОЙ

Пространство перевода

Антонио Нобре

Мельник ностальгии (сборник)

«Водолей»

2013

Нобре А. П.

Мельник ностальгии (сборник) / А. П. Nobre — «Водолей»,
2013 — (Пространство перевода)

Антонио Перейра Nobre (1867–1900) – один из лучших португальских поэтов конца XIX столетия, о котором Фернандо Пессоа, символ португальской словесности нового времени, сказал: «Когда он родился, родились мы все». Антонио Nobre первый раскрыл европейцам душу и национальный уклад жизни португальцев. Автобиографические темы и мотивы – главный материал, которым оперирует поэт; они, как и географическое пространство его стихов – деревушки и города родной земли, сверкающие в его стихах волшебными красками, – преобразуются в миф. До настоящего времени Nobre был неизвестен русскому читателю. Умерший от туберкулёза, не дожив до 33 лет, при жизни он опубликовал всего одну книгу. В этом издании представлен ее полный перевод, выполненный Ириной Фещенко-Скворцовой. Комментарии к стихам помогают читателю глубже понять атмосферу Португалии конца XIX века.

© Nobre А. П., 2013

© Водолей, 2013

Содержание

Поэтическое графство Антонио Нобре	6
Память	16
Антонио	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Нобре Антонио Перейра

Мельник ностальгии

«Espaço de Tradução»

António Pereira Nobre

Moleiro da Saudade

Tradução de Iryna Feshchenko-Skvortsova

Поэтическое графство Антонио Нобре

Антонио Перейра Нобре (1867–1900) – один из лучших португальских поэтов, которого высоко ценили Фернандо Пессоа и Марио де Са-Карнейро, назвавший Нобре в своём стихотворении «владельцем башни из слоновой кости»; поэт, чьи стихи знали наизусть многие португалыцы, чувствуя в них саму душу Португалии – сейчас известен далеко не всем даже на своей родине... В России же до недавнего времени его могли прочесть только в подлиннике. Перед вами – впервые переведённая на русский язык единственная книга большого португальского поэта.

Нобре – поэт конца XIX века, эпохи расцвета символизма в поэзии. Во многих биографических заметках в печатных и виртуальных португальских источниках Нобре называют символистом, поэтом ностальгии, способствовавшим пробуждению чувства национального самосознания. Без сомнения в творчестве этого поэта, особенно в его ранних стихах, можно проследить влияние и символизма, и декадентства, и ультра-романтизма. В письмах друзьям он восхищался творчеством представителей парнасской школы французской поэзии: Теофилом Готье, Сюлли-Прюдомом, Теодором де Банвилем, ему, по собственному признанию, близко мироощущение символиста Поля-Мари Верлена, в его письмах часто упоминается имя Шарля Бодлера. Однако отнести Нобре к какой-то одной поэтической школе сложно.

В 1967 г. в обзоре-анализе поэтического наследия А. Нобре, организованном журналом «Сеара Нова» к столетию со дня рождения поэта отмечалась исключительная важность всего, что Нобре принёс в поэтический язык Португалии. В первую очередь, это языковая смелость и оригинальность, явившаяся предвестником сближения поэзии и прозы, показавшая направление для дальнейшего развития португальской поэзии. Многочисленные поиски-эксперименты поэта в области формы, чрезвычайное разнообразие ритмов, их комбинации, разговорный стиль многих его произведений творили атмосферу спонтанной свободы стиха. Эмоциональность и драматизм, смягчаемый тонкой самоиронией, элементы театрализации, разделение длинной поэмы путём включения в неё строф с иным ритмом, что придавало стиху Нобре сходство с хором греческой трагедии – всё это создавало особенную, неповторимую мелодику стиха.

Судьба Антонио Нобре становилась легендой ещё при его жизни. Автобиографические темы и мотивы – главный материал, которым оперирует поэт, они, как и географическое пространство его стихов – деревушки и города родной земли, сверкавшие в его стихах волшебными красками то при свете солнца, то при лунном освещении, – преобразуются в миф.

Семья Нобре происходила из провинции Траз-уж-Монтеш – район между Дору и Минью, красивейшая область севера Португалии. Родители Нобре родились в деревнях округа Пена-фиэл в Лиша и Сейшу. Нобре обучался в колледже для детей богатых родителей в Порто. Там его называли «сыном бразильца» из-за его отца, который приобрёл состояние, живя в течение 20 лет в землях Святого Креста, благодаря чему смог дать высшее образование своим восьми сыновьям. Детство и юность поэта проходили в поместье Сейшу, там же он затем пытался восстановить здоровье в последние дни своей жизни, там умер в марте 1900 г. в месте Фож-ду-Дору. Эти земли стали одним из полюсов его мифического мира – «дедовским домом», где его ждали ангелы, «голубки детства», так чудесно им воспетые: бабушка, «старая Карлота», почтенная тётушка Дельфина, старые слуги. Воспоминания о счастливых днях в Сейшу вплелись и в описания дома в первой части «Горестей Анту».

Но, пожалуй, ещё большее место в жизни и в творчестве поэта занимает Леса-да-Палмейра, морское побережье, где Нобре проводил сезон летних каникул. Именно там он учился в школе природы, где лекции о человеческом сердце читал профессор Океан:

Река сладчайшая, сквозной туннель в лесах!
Здесь Анту плыл, и за челном струилась пена...
И к мосту Тавареш спускаясь постепенно,
Нагими плавали в полдневную жару!

Таким образом, поэтический мир Нобре формировался под могучим влиянием двух областей Португалии: «старого Дору», от Порто до Пенафиэла и морского побережья от устья реки Дору до Леса-да-Палмейра. Живя в деревне, поэт постоянно общался с населением провинции Траз-уж-Монтеш, издавна славящейся преданностью старинным традициям, знакомился с легендами, песнями и танцами сельчан, с их повседневными занятиями: прополкой, жатвой, сбором винограда; с их религиозными обычаями: новенами, процессиями, праздниками святых, похоронами. Здесь он видит будущих печальных героев своих стихов: слепых, умирающих, чахоточных, покрытых язвами; видит пейзажи жизни и пейзажи смерти – встречается с гробовщиками и могильщиками.

В Леса-да-Палмейра поэт часто плавал на лодке со «смуглым Габриэлом». Здесь он был захвачен и увлечён живописными картинами из жизни рыбаков, моряков, жизни, полной труда и опасностей. Их наречие он копирует в «Лузитании в латинском квартале», бережно сохраняет в своих стихах их говор – местное произношение слов, отличающееся от литературного языка, вводит в свои поэмы названия их лодок, написанные с орфографическими ошибками. С огромной нежностью вспоминает рыбаков из Пóвоа, называя их по именам. Жизнь в Лесе расцветчивалась передававшимися из уст в уста историями о бурях и кораблекрушениях, о ведьмах и страдающих блуждающих душах, песнями прачек на реке Леса... Леса-да-Палмейра была в те годы любимым пляжем английской колонии в Порто. У англичан Нобре учился элегантности и манерам денди, желая следовать примеру своего любимого поэта – лорда Байрона, которого он, как и Шекспира, многократно цитирует в своих стихах и письмах. Белокурые английские «мисс» были его первыми влюблённостями. Одна из них, гувернантка мисс Шарлотт (ей посвящено стихотворение «Красная лихорадка»), в переписке 1886–1887 гг. придумала поэту уменьшительное имя, которое затем стало его поэтическим псевдонимом – Анту. Хрупкого сложения от природы, всегда сосредоточенный на своих мыслях и в то же время очень эмоциональный, Нобре с ранней юности отличался оригинальностью поведения: декламировал стихи волнам, когда плавал на лодке, читал их прачкам, приходил в экстаз при виде заката на скалах Доброй вести. Юноша-поэт стремился выглядеть непохожим на остальных. Он носил кудри, как лорд Байрон, и экстравагантные украшения: пуговицы и кольца из старых гвоздей, из такого же гвоздя была сделана и его ручка, которой он писал свои стихи. Он всегда носил с собой книгу в красном переплёте, за что получил в Леса-да-Палмейра прозвище «нотариус».

«Бледный профиль на старой медали, лицо аскетическое и полное души», – вспоминает о Нобре Жуштину де Монтальван (1872–1949) – португальский журналист, писатель и дипломат.

На Сладкой реке, как называют Лесу, среди пасторальных пейзажей часто отдыхала группа юношей, среди которых был и будущий писатель Жулиу Брандан (1869–1947), примерно одного возраста с Нобре. Интересны его воспоминания о поэте: «Надменный, как принц, и обворожительный, как ребёнок... Мы чувствовали его своеобразие, необычность его личности, в которой некоторая неестественность в поведении, склонность к игре сочеталась с удивительной искренностью. Особая манера говорить и огромные лучистые глаза, как бы придававшие блеск всему, им сказанному. Это был оригинальный человек, рождённый облаками и закатами для того, чтобы беседовать с рыбаками, жить в Лесе, мечтать, писать стихи и быть несчастным».

В Леса-да-Пальмейра было поэтическое графство Нобре: побережье Доброй вести, церквушка Святой Анны, побережье Памяти, где когда-то высадился король Педро IV, всё это, как

признавался сам поэт в письме от 1887 года, было для него землёй, на которой он вырастил свою душу.

На побережье Доброй Вести летом
В мечтах своих я крепость воздвигал.
И на песке морском перед рассветом
Встал замок – лазурит весь и коралл!

Первые стихи Антонио написал в 14 лет, через несколько месяцев он вместе с братом стал одним из главных авторов еженедельного журнала, издававшегося в Порто. Он посещает центры тогдашней португальской литературной богемы, печатает свои стихи почти во всех выходящих литературных газетах и журналах. Уже в 16 лет Нобре определяет свои предпочтения среди современных португальских поэтов: Жуан де Деуш, Алмейда Гаррет, Гонсалвеш Крешпу, Антеро де Кентал, Герра Жункейру. Среди португальских прозаиков его любимцы: Эса де Кейрош, Жулио Диниш.

В 1888 г., в возрасте 21 года, Нобре едет в Коимбру для получения образования в области права. Своё отвращение к университетской жизни он выражает в стихах («Письмо Мануэлу») и в письмах: «дух средневековья настолько жив во всём этом, что я порой ловлю себя на мысли, что Данте написал свой «Ад» в прошлом месяце». Юноша-поэт, признанный в литературной среде, страдал от традиционного пренебрежительного отношения «бывалых» студентов к новичкам. Вот описание Антонио Нобре того времени, оставленное одним из его однокурсников:

«В эти первые часы в университете я встретился с одним товарищем по несчастью, окруженным большой группой молодёжи, которая мучила его всяческими подлостями. Это был юноша, высокий, худой, достаточно бледный, с небрежно отброшенными чёрными кудрями, с небольшими подстриженными усиками. Студенческая одежда (что-то вроде длинного пиджака до пят), сверху донизу застёгнутая, и плащ, тоже застёгнутый на шее, поверх которых лежал широкий белый воротник, спереди завязанный большим элегантным бантом чёрного шёлка. Широкие, не по тогдашней моде, брюки открывали прямоугольные носки ботинок экстравагантной формы. Кисти рук с худыми пальцами почти скрывали белые ненакрашенные манжеты, скреплённые вместо запонок большими головками гвоздей».

Не удивительно, что такая странная, не похожая на других фигура притягивала к себе насмешки легкомысленных студентов. Студент факультета права, не имеющий ни малейшей склонности к изучаемым там предметам, поэт с утончённым воспитанием, попавший в академическую среду с её суровыми и довольно жестокими обычаями – в том возрасте, в котором большинство юношей уже завершили университетское образование, чувствовал себя выше своего университетского окружения и, конечно, это было заметно. Нобре замыкается в себе, убегает в ностальгические воспоминания, отражая в стихах тоску изгнанника.

Однако, два года в Коимбре стали самым ярким периодом его жизни и решающей фазой его творческой эволюции. Он как бы переживает здесь второе рождение. В жизнь его входят совершенная дружба и идеальная любовь. Он встречает в доме своих друзей ту, кого он называл «Маргарет с Дороги на Бейру» – Маргариду де Лусена, ставшую его невестой. По-прежнему, Нобре живёт, смешивая границы жизни и поэзии, выстраивая романтическую легенду своей жизни, которая так трагически сбывается в действительности, когда, по его собственным словам, в последние годы его жизни реальные страдания больного туберкулёзом имитировали и даже превосходили страдания больного «чахоткой души», описанные поэтом в «Горестях Анту». Жизнь поэта следовала за его стихами, подражала их сюжетам... В эти годы он вводит в свои стихи новые ритмы и новые темы, придавая своему поэтическому голосу такие своеобразные модуляции, которые шокировали литературные круги с устоявшимися традициями и

обеспечивали ему множество недоброжелательных критиков, зато окружали его восхищением поэтической молодёжи, компенсировавшей ему это непонимание и неприятие его стихов со стороны маститых литераторов. Друзья – поэты почитали Антонио Нобре апостолом Поэзии, принцем среди поэтов. Среди них можно назвать Алберту де Оливейра, долго бывшего самым близким и преданным другом Антонио Нобре, Агуштинию де Кампуш, Антонио Омень де Мелу (по прозвищу «Той») и Вашко да Роша и Каштру. Все они упоминаются в стихах поэта.

Здесь, в Коимбре, на берегах реки Мондегу, тоскуя по Леса-да-Пальмейра, Нобре постепенно открывает для себя другую Коимбру – плакучих ив и стройных чёрных тополей, где великолепный закат позади церкви Санта

Клары соперничает с закатами в Барра, с дорогами с детства приморскими пейзажами Леса.

И уже «Лапа де Шопал» – «Грот чёрных тополей», ботанический сад и улица «Дорога на Бейру», превращают для поэта Коимбру из «грустного города с мавританским обличем», каким тот виделся ему вначале, в «бесподобный цветок меж других городов, чей пейзаж в лунном свете – самый магический на всей земле». Поэт находит неповторимый тон, рождённый всей таинственной атмосферой этого древнего города, для того, чтобы воспевать дивные вещи, скрываемые легендарной Коимброй, её утончённых духовных женщин, чьи облики связываются в его представлении с вечерами новен в октябре, с месяцем маем, когда девушки шли в монастыри урсулинок.

Именно в Коимбре, в ночь Святого Петра в 1890 г., слыша песни молодёжи и видя из окна огни костров, Нобре пишет первые сто тридцать стихов его наиболее своеобразной и характерной поэмы «Горести Анту».

В октябре этого года, перед своим отъездом во Францию на пароходе «Британия» для обучения в Сорбонне, поэт в течение недели живёт в одной из башен средневековой крепостной стены Коимбры, которая впоследствии стала называться «Башней Анту». В его стихах она зовётся «башней слоновой кости», «молочной башней». В письме от 4 октября Нобре пишет: «Открыл резные своды этих тысячелетних камней и увидел всю осеннюю Коимбру, этот мистический, боговдохновенный пейзаж, пересохший Мон-дегу с чёрными тополями – моими дорогами горбунами, согнутыми годами и лишёнными листьями, – и показалось мне, что перенёсся в иной мир, уже исчезнувший, только духовный, и в нём живёт лишь один человек – это Анту, заколдованный в своей башне».

В своих стихах и письмах, написанных в Париже в конце октября 1890 г., Нобре превращается в «бедного лузитанца» (в поэтических источниках Португалия часто именуется Лузитанией), «бедного мельника Ностальгии». В письме другу от 15 ноября мы уже видим ту черту, которая становится главной характеристикой личности и творчества Нобре – его большую любовь к родине, ностальгию по её величественному прошлому. Само название страны – Португалия – видится ему, по звуку, полным воздуха, стиля, элегантным, радостным. В течение последующих пяти лет во Франции (он стал лицензиатом Сорбонны в 1895 году) Нобре учился любить родину: «Я начал любить Португалию с тех пор, как её оставил... Утраченные на чужбине иллюзии повернули моё сердце к нашей земле, ведь там живут мои пристрастия, и туда обращена моя тоска».

В Париже Антонио Нобре всем другим паркам и бульварам предпочитает Бульвар святого Михаила и Латинский квартал. Здесь его звали «маленький аббат» или «монах» из-за его траурного длинного плаща, который только красная шёлковая подкладка капюшона отличала от религиозного облачения.

Первые впечатления Нобре от французских мэтров-символистов (высказанные в письме другу в ноябре 1890 г.) были самые негативные, они внушили ему страх, хотя он всегда восхищался неповторимым талантом Верлена, признавался в том, что ему близко мироощущение этого поэта. Он отмечает: чтобы слыть декадентом, надо везти низкую жизнь, окунуться

в грязь. Такое же разочарование постигло Антонио Нобре и при посещении Эсы де Кейрош, который был не только писателем, но и консулом Португалии в Париже. После своего визита Нобре констатировал, что Эса де Кейрош перестал быть его Богом, называл его наибольшим скептиком, каких он только встречал, удивлялся, что не почувствовал в нём любви к Коимбре, которую этот известный португальский писатель с такой ностальгией воспевал в своих романах. Справедливости ради надо отметить, что впоследствии, в 1895 году, благодаря протекции Эсы де Кейроша, Нобре был допущен к конкурсу Министерства иностранных дел, получил на нём второе место, в результате чего ему было обещано место консула в Сан-Паулу, которое из-за туберкулёза он так и не смог занять.

«Парижская ссылка» была для Антонио Нобре периодом экономических трудностей, порой переходивших в нужду, из-за которой поэт даже прибегал к помощи ростовщиков, скрываясь под именем «Антонио Побре (бедняк)». Возможно, эти условия были одной из причин скрытого развития туберкулёза в его организме, обнаруженного медиками позже. Ещё до смерти отца поэта в октябре 1893 г. (мать умерла за семь лет до этого) в результате провозглашения республики в Бразилии и восстания под предводительством маршала Флориану Пейшоту возникли трудности в торговле и получении ренты, за счёт которой до этого времени достаточно обеспеченно жила семья отца Нобре. Возможно, что развитию болезни Нобре способствовал также разрыв отношений с его ближайшим и преданным другом Альберту де Оливейра, последовавший в 1893 г. Поводом к этому разрыву была статья Оливейры о Нобре. Потеря друга, которого он считал почти своим alter ego, сделала и без того чувствительного поэта сверхчувствительным. Можно предположить, таким образом, что туберкулёз, от которого Нобре умер семью годами позже, был результатом «чахотки души», описанной в «Горестях Анту».

С августа 1895 года жизнь поэта протекает в поисках излечения. Хотя он окончил курс в Сорбонне, карьера дипломата не удалась из-за болезни. С сентября 1895 г. до июня 1896 г. Нобре живёт в Швейцарии. В этот период, также из-за болезни поэта, происходит разрыв отношений с невестой – Маргаридой де Лусена, умирающая мать которой на смертном одре заставила дочь дать обещание не выходить замуж за Нобре. Видимо, это вызвало дальнейшее обострение туберкулёза. Правда, некоторые критики считают, что желание жениться и стать отцом было у Нобре несколько утопическим, ссылаясь на лирическую иронию его «Песни о счастье», написанной в Париже.

Возвратившись в Португалию, Нобре проводит лето в гостинице Казайш, возле Пенафилы, описанной им в «Путешествиях по моей земле», затем до мая 1897 г. в Лиссабоне и его окрестностях (Кашкайш, Эшторил). С мая и до конца июня 1897 г. предпринимает путешествие в Северную Америку с остановкой на Азорских островах, где выполняет данное себе обещание: посещает место, где был похоронен Антеро де Кента л. Вернувшись в Казайш, в тех же безуспешных поисках исцеления, Нобре в феврале 1899 г. едет в Фуншал (Мадейра), где остаётся до апреля 1899. Состояние его всё ухудшается, но это не мешает ему галантно восхищаться красотой девушек

Мадейры, писать любовные сонеты, посвящённые одной из дочерей маркиза де Низа – доны Констансы Телеш да Гама, с которой он продолжал переписку до смерти. Эти сонеты, стихи, посвящённые Эдгару По, и пр. были включены в его книгу, не изданную при жизни – «Прощания». На Мадейре поэт был утешен тем, что принимал участие в подготовке к публикации второго издания его книги «В одиночестве», которое вышло из печати в апреле 1898 г. Свои права авторства на книгу Нобре продал в 1895 году за тысячу франков издательству Аиллауд, ещё до возвращения в Португалию.

Уже практически не веря в излечение, Нобре вновь едет в Швейцарию, но уже морем, в августе 1899 г., затем возвращается в Лиссабон и умирает в родных местах 18 марта 1900 г., в доме на улице «Дорога погонщиков быков» в Фож-ду-Дору в возрасте 32 лет.

Денди почти до самой смерти (он стал воздерживаться от излишней эксцентричности в одежде только после возвращения с Мадейры), Нобре часто служил моделью для известных художников и скульпторов того времени. Его бюст помещён в местах, тесно связанных с жизнью и творчеством поэта: в Порто, Леса-да-Палмейра, в Пенеду да Саудаде.

Книга Нобре «В одиночестве» появилась в момент дезориентации и упадка духа в национальной жизни Португалии. Для португальского общества последних десятилетий XIX века, особенно после смерти короля дона Луиша Первого в 1889 г., характерно разочарование в монархии, потеря веры в будущее родины, даже демонстративное безразличие к её судьбе. 10 июня 1880 г. в Португалии торжественно отмечалось трёхсотлетие со дня смерти Луиша ди Камонса, крупнейшего представителя литературы Возрождения. Его предполагаемые останки были перенесены с королевскими почестями и похоронены в монастыре Жеронимуш в Белене, одном из районов Лиссабона. Эти торжества положили начало возрождению интереса португальцев к истории родины. После ультиматума Британии (11 января 1890 г), требовавшей вывода португальских вооружённых сил из всех колоний Португалии, антимоноархические настроения в стране усилились. Португальская общественность осудила позицию правительства Португалии, подчинившегося требованиям Англии. За ультиматумом англичан последовал разгром Северной Патриотической Лиги, возглавляемой Антеро де Кенталом, который, вскоре после поражения республиканского восстания в Порто 31 января 1891 г., покончил с собой. Политический кризис нарастал, усугубляясь финансовыми проблемами. Провозглашение республики в Бразилии в ноябре 1889 г. отразилось на положении многих португальских семейств, живших за счёт доходов из колонии.

Все эти исторические события не могли не сказаться на общественной и литературной жизни страны. Значительная часть общества была увлечена идеями патриотизма, национализма. Экзальтированное восхищение родной землёй, её обычаями, противопоставление их иноземным моделям особенно проявились в творчестве таких писателей, как Эса де Кейрош, Герра Жункейру и Антонио Нобре. В 1892 г. были опубликованы «Простые» Герры Жункейро, спустя несколько недель после публикации «В одиночестве» Антонио Нобре. В этом же году, в предисловии к сборнику Жулиу Брандана, Герра Жункейро демонстрирует свою новую концепцию поэзии: «Я понимаю её как национальное искусство... Развивая поэзию, мы не только поддерживаем традиции национального языка и национального характера, но мы омываем нашу душу – душу художника, горькую и больную, святой водой сострадания и искренней доброты, соприкасаясь ею с вековыми болями и страданиями униженных и обездоленных. Наши книги станут не только «более португальскими», но и более гуманными». Эта концепция ярко демонстрирует сходство взглядов Жункейру и Нобре. То, что публикации обеих книг последовали одна за другой, привело к трениям между двумя поэтами, спровоцированным литературными интригами.

Движение национального протеста против британского ультиматума дало толчок и новой теме в португальской литературе – «себастьянизму». Фигура юного португальского короля, не вернувшегося из военного похода, – Дона Себастьяна – становится символом контраста между величием прошлого и упадком настоящего Португалии. Жизнь и смерть, и предполагаемое возвращение Дона Себастьяна, которое должно стать возрождением Португалии, становятся национальным мифом. Этот миф вдохновил Антонио Нобре в последние годы его жизни на создание поэмы, но она осталась неопубликованной.

Всего, кроме двух прижизненных изданий книги «В одиночестве», у Антонио Нобре вышли два посмертных сборника стихов: «Прощания» в 1902 г. и «Первые стихи» в 1921. «Первые стихи» включали 86 стихотворений, из которых 34 были сонетами. В этих вещах уже появились все темы, впоследствии развитые поэтом в книге «В одиночестве»: любовь к морю; стройные облики английских «мисс»; Смерть – вечная и неумолимая жница; ноты искренней

нежности и сострадания к больным и униженным; некоторые мрачные эксцентричности в духе Бодлера.

Но в первых стихах ещё нет других важных и оригинальных черт поэтической палитры Нобре: эстетического, любовного и ностальгического переосмысления всего, что является португальским, отождествления души художника, её различных состояний с родными пейзажами.

«Прощания» – сборник последних стихов поэта, написанных с 1895 по 1899 г., когда он странствовал в поисках излечения. В нём преобладает печальный тон прощания с жизнью. Но в отдельных фрагментах, например, посвящённых мифу о Доне Себастьяне, поэт выражает свою веру в возрождение родины. «Желанный» – поэма о Доне Себастьяне, как и вся поэзия Антонио Нобре, отражает убеждение поэта, высказанное им в письме к другу в 1888 г.: «Только несчастные являются великими».

Книга «В одиночестве» была опубликована в Париже 2 апреля 1892 г. тем же издателем, который уже опубликовал книги почти всех французских символистов. Через 6 лет было осуществлено второе издание книги, исправленное и дополненное. Поэт долго менял названия предполагаемой книги, пока в Париже, вдали от родной земли, не почувствовал себя особенно одиноко. За несколько месяцев до публикации книги, в декабре 1891 г., он пишет: «Чувствую унылую бесконечность жизни и ощущаю, что я один! Один! Один!». Независимо от места жительства в данный момент, основной чертой мировосприятия Антонио Нобре было осознание себя отличным от других людей, ощущение своего одиночества, изгнанничества. Эти человеческие особенности определили и выбор тем, и эстетическую установку поэта. Поэму «Наугад» Антонио Нобре так и начинается: «Какой огромный мир! И я так одинок!». «Я устал быть один!» – восклицает он, уже больной, в одном из писем. Он понимал, что одиночество – удел художника: «Особенные – всегда одиноки. Непреклонны, и поэтому – одни».

По составу второе издание книги «В одиночестве» содержит 53 поэтические композиции, из которых 22 являются сонетами, хотя только 18 из них включены в специальный раздел «Сонеты». Почти половина стихов, составляющих книгу, написаны в Париже в 1891 г. Три сонета были вдохновлены вторым морским путешествием поэта из Португалии во Францию, два – написаны во время краткого пребывания в Германии. Но не всегда даты, указанные поэтом, соответствуют действительности. Интересна история с «Горестями Анту». Эта поэма вышла из печати в сопровождении ссылки: Париж, 1891. Но из переписки Нобре достоверно известно, что первые 130 александрийских стихов «Горестей Анту» были написаны в Коимбре 29 июня 1890 г., когда девушки с его улицы прыгали через костёр, на празднике Святого Петра. Нобре писал: «Под их эмоциональные вскрики «Ай олё!», отдающиеся эхом в ночи, я обдумывал мои лучшие стихи. Я работал, слушая их, восхищённый, у окна, открытого на улицу Святого Петра, чтобы их вскрики легче доходили до моего сердца». В этой, самой большой своей вещи, Нобре как бы заранее предсказал своё будущее, как это часто случается с поэтами: «Что со мной произошло! Все убегает от моего кашля... Бог меня наказал. Когда я был счастлив и едва мог насчитать 19 лет от роду, писал «Горести Анту», преувеличивая всё. Сейчас я испытываю на себе все эти горести, после того, как описал их в литературе».

Структура второго издания книги «В одиночестве» содержит следующие разделы:

- «Антонио»,
- «Лузитания в Латинском квартале»,
- «Между Дору и Минью»,
- «Полная луна»,
- «Луна ущербная»,
- «Сонеты»,
- «Элегии»,
- «Горести Анту».

Поэма «Антонио» – одна из наиболее оригинальных по структуре. В ней автор придерживается древней антифонной традиции, которая использовалась при церковном пении. Можно также увидеть в этой поэме сходство с хором греческой трагедии: главная партия солиста сопровождается другой, отличающейся от неё по ритму и по тону, которая служит ей контрастом, порой явно противоречит главной партии. Так и чудесная история мальчика Антонио сопровождается пессимистичным комментарием в форме пятистиший, разделённых четверостишиями основного повествования на двустишия и трёхстишия. Пессимизм настоящего, пересекаясь с воспоминаниями о прошлом, накладывает на детство героя отпечаток обречённости на несчастья в будущем.

«Лузитания в латинском квартале». Лейтмотив поэмы – одиночество изгнанника. Герой с тем же именем, что и в поэме, – Антонио, изгнан из очарованного мира детства, когда он был пастухом прелестного стада белых овец и жил в молочной башне. Он превратился теперь в «бедного мельника ностальгии». Он описывает свои потери, рефреном звучат его слова «О, где вы? где вы?». Поэт широко вводит в свои стихи прозаический материал, казалось бы, никакого отношения к поэзии не имеющий: названия земель, городов и местечек, имена своих родных и знакомых, даже названия рыбацких лодок. Все эти вещи под пером Нобре приобретают ореол загадочности и чуда, поэтизируются. Новизна метафор, ярких и визуальных, даёт художнику власть преобразовать реализм воспоминаний. Нобре мастерски переносит в свои стихи непосредственную сочную устную речь с её восклицаниями, диалогами, насыщенную эмоциями. С таким же мастерством воскрешает на страницах своей книги живописные религиозные торжества, процессии, дробя для этого стих, почти уподобляя его прозе, чтобы передать всё радостное воодушевление северо-португальских народных праздников. И здесь же, контрастируя с этой живой радостью, в стихах Нобре живут, страдают, смотрят на читателя его любимые герои, «бедные люди»: чахоточные, слепцы, покрытые язвами; живут и действуют могильщики и гробовщики, – символизируя Болезнь, Смерть и Милосердие, показывая читателю изнанку, другую сторону праздника жизни.

Как отмечал Алберту де Оливейра, «фольклоризм» Нобре извлекает красоту из обычных эпизодов, из разнообразных картин жизни, из деталей, вплоть до народной манеры говорить, на которую никто из поэтов до того не обращал внимания».

Третий раздел – «Между Дору и Минью». Здесь мы вновь видим ностальгические воспоминания о родной земле, идеализацию её пейзажей и «португальской души»: «Письмо Мануэлу» с пейзажами Коимбры; «Девушкам Коимбры» и «Чёрные фиги», построенные по образцам народной португальской поэзии; идеализированный портрет португальской женщины на фоне типичного деревенского пейзажа – «Непорочная».

Три композиции из этого раздела были включены только во второе издание. Это «Песня о счастье», «Саудаде» и «Путешествия по моей земле». В «Песне о счастье» мягкий лиричный юмор автора маскирует тоску от сознания невозможности достичь на этой земле простого человеческого счастья. С подзаголовком стихотворения «идеал одного парижанина» контрастируют типичные португальские пейзажи и сцены, атрибуты жизни народа.

В поэме «Саудаде» Нобре возрождает давние лирические португальские традиции, обращается к песенному творчеству трубадууров. Девушка в разлуке с любимым изливает свои жалобы реке Мондегу. Её друг, студент, обучающийся во Франции, носит имя «Виржилиу» или Вергилий – символ поэта, уже использованное Нобре в «Памяти». Само название поэмы: «Саудаде» – «ностальгия» – дань восхищения Алмейдой Гарретом – певцом ностальгии в поэме о Камознсе.

«Путешествия по моей земле» (название также обращает нас к любимому писателю Нобре – Алмейде Гаррету, написавшему одноимённую книгу) – одна из наиболее известных поэм Нобре, вся пронизанная лирической ностальгией и искренней, идущей от души, а не декларируемой любовью к родине. Описания, точные и детализированные, в форме живой

народной речи, дополняются внутренним монологом, который как бы обращён к тому ребёнку, которым был когда-то герой поэмы и её автор. Украшает поэму образ бабушки, с характерной речью, привычками, взглядами. В поэму вкраплены объяснения автора в любви своим любимым португальским писателям – А. Гаррету и Жулиу Динишу, также идеализировавшим мир северной провинции страны, бывший для них обоим родным.

«Письмо Мануэлу» написано в форме разговора с другом. Великолепны пейзажи Коимбры и её окрестностей, которые идентифицируются с состояниями души самого поэта. Детально описана повседневная жизнь университетского города, даны портреты друзей поэта и компаньонов по дому, некоторых преподавателей. Одушевление стихий (профессор Океан), деревьев (чёрных тополей) выдают в Нобре пантеиста, близкого по духу поэту Антеро де Кента л.

«Непорочная» – серия зарисовок, в которых на фоне традиционно португальского сельского пейзажа происходит венчание знатного сеньора, принимаемое народом и слугами с почтительным восхищением, сцены семейной жизни. Образ невесты, затем жены поэта выведен нежно и восторженно, подчёркнут духовный характер их любви. Излишняя порой идеализация снижается, благодаря шутливому тону описания сцен с Феей и рефрену-припеву: «Скажите мне, юные девы, чей образ так светит вдали?..», который сближает поэму с образцами народной поэзии.

Следующие два раздела книги: «Полная луна» и «Луна ущербная». Луна имела в творчестве Нобре особое значение, наиболее полно им раскрытое в первом стихотворении раздела – «Под влиянием луны»:

Луна, в чей плен так сладостно попасть!
Луна, чьи фазы помнят при посеве!
На океан твоя простёрта власть,
На женщин, тех, что носят плод во чреве.

Луна как небесное тело, отвечающее за ритмы жизни на всех космических уровнях, символизирует время, которое проходит, измеряемое последовательными, регулярно повторяющимися фазами, напоминает о циклическом обновлении, является символом перехода от жизни к смерти и от смерти к жизни. Эти два раздела книги говорят об интересе Нобре к астрологии и оккультным наукам, что подтверждают и его стихи, и переписка. Интерес этот не возник в последние годы. Ещё в первом издании книги образ новой луны – символа смерти – насыщал собою почти все стихи, начиная от первого – «Память» и заканчивая «Горестями Анту».

В разделе «Полная луна» собраны восемь поэтических композиций, но только одно стихотворение появилось лишь во втором издании книги. Это «Дон Неудачник» – иронический автопортрет поэта, написанный простым разговорным языком. Тема фатализма, горького конфликта героя с действительностью подана с лиричным юмором, а по форме выдержана в традициях национальной народной поэзии.

«Закаты Франции» и «У огня» написаны под явным влиянием символизма и декадентства, но их совершенная форма и оригинальные образы-метафоры восхищают читателя. Объединяет оба стихотворения ностальгическое описание португальского пейзажа, который пробуждает в герое состояние внутренней чистоты и простодушной веры, напоминающее детство.

«Закаты Франции» сделаны в характерной для Нобре манере: на два голоса. Это подчёркивает контраст между мрачной красотой французских закатов, описанных в основной части стихотворения с помощью сложных метафор, и родными поэту пейзажами с их покоем и невинностью, о которых повествуется простым разговорным языком.

«У огня» особенно интересно противоположностью разговорного языка лирическому тону, ритмической вариабельностью, свободой, позволяющей Нобре достигать такой натуральности в этих зарисовках действительности.

Рубрика «Ущербная луна» содержит семь композиций, среди которых сонет «Мальчик и юноша», наиболее известный португальскому читателю. В стихах этого раздела, усиливаются трагичность восприятия жизни, зачарованность смертью, дающей забвение, желание навсегда заснуть – характерные темы для конца девятнадцатого столетия. Сюда входят «Всадники» в форме традиционного романса с перекрёстной рифмой; «Прощай!», также в форме романса; «Литания» – по ритму настоящая колыбельная; «Сон Жуана», по музыкальности и тону напоминающий стихи Алмейды Гаррета и Жуана де Деуш.

Раздел «Элегии» содержит стихи и поэмы, повествующие о смерти, главным образом, женщин, чистых и идеальных, часто мучениц при жизни. Среди них – сонеты, повествующие о смерти Офелии и Святой Ирины. Стихи полны нежности и глубокого религиозного чувства. Особенно обращают на себя внимание «Бедная чахоточная» и «Какая-то старушка». Первое пронизано глубокой нежностью к умирающей от чахотки девушке, во втором дана персонификация Смерти в образе старушки, причём ей приданы некоторые атрибуты Девы Марии, что соответствует народным верованиям.

Смерть для поэта имеет черты его матери, которая ждёт сына в могиле, он рисует её в образе старой кормилицы, просит её напоить его грудным молоком. Но поэт должен пройти долгий путь страданий в поисках этой своей первоначальной родины, где лишь и начнётся его настоящая жизнь: «Приведёт домой дорога // В тёплые объятия Бога».

Несмотря на непонимание и нападки, которыми было встречено первое издание книги Нобре, её оригинальность и художественная ценность в конце концов заставили признать её автора одним из лучших португальских поэтов, а его творчество – переходным от поэзии романтизма XIX столетия к творчеству поэтов XX столетия, многими своими чертами предвещающим современную португальскую поэзию. В статье «В память Антонию Нобре», написанной в 1915 году, Фернандо Пессоа, символ португальской словесности уже нового времени, подчёркивает, что Антонию Нобре первый раскрыл европейцам душу и национальный уклад жизни португальцев, раскрыл наивный пантеизм рода, который имеет такое ласковое слово для деревьев и камней, меланхолически в нём расцветающее. Ф. Пессоа находит для этого поэта удивительно тонкие, проникновенные определения: «Он пришёл осенью в сумерках. Несчастен тот, кто понимает и любит его!.. Когда он родился, родились мы все».

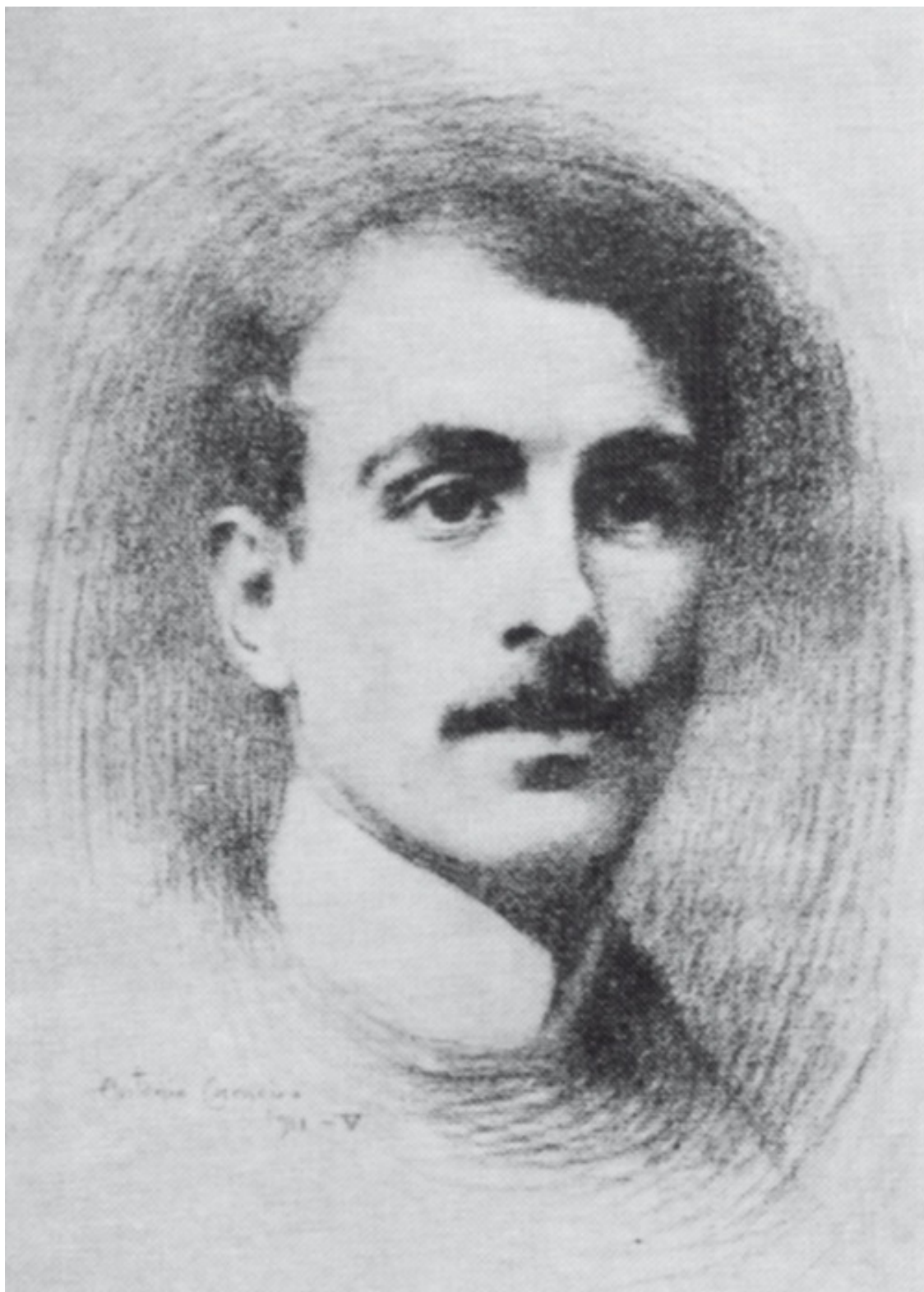
Ирина Фещенко-Скворцова

Переводчица выражает свою благодарность людям, без чьей неоценимой помощи и поддержки было бы невозможным появление этой книги:

Евгению Витковскому – основателю и руководителю Форума Век перевода, на котором шлифовались переводы Нобре;

Вадиму Фещенко – мужу и другу, создавшему все условия для работы над переводами.

Память



О, ты, Траз-уж-Монтеш, моя сторона,
Где в камушке каждом жива старина!

Один португалец оттуда далёко
Судьбой был заброшен, и жил одиноко.

По Борбе^[1] родной на чужбине скучал,
Вернулся и девушку он повстречал.

Решилась судьба их за пару мгновений,
Венчали их в церкви, денёк был осенний.

И мальчик родился... Судачит молва:
Тот месяц злосчастный был месяцем льва¹.

Ах, девственна мать, что рождает поэта,
В очах её отблеск небесного света...

Луна для младенца плела ворожбу^[2]:
Шли три мавританки пророчить судьбу.

Сказали, внушаемы дивною силой,
Что станет он принцем, но лишь за могилой.

И годы прошли, вновь осенний денёк:
«Я в Кову² поеду, прощай, мой сынок!»

Скорбящей Марии на матери платье,
В цветы убралась, на прощанье – объятье.

«Мы скоро увидимся, путь недалёк!»
Да, вот, не вернулась в назначенный срок.

Найти её муж безутешный пытался,
Поехал за нею, да там и остался.

Ах, воин отважный! Была в нём видна
Младенчески чистой души глубина!

Миры пересёк я, тоскою ведомый,
Без вас воротился дорогой знакомой.

Душа стала вещей под чарой луны,
Сбывается рок, нет в том вашей вины...

И всё же, чудесно, коль сын твой – Вергилий,
Пусть грустной судьбою его наградили.

¹ Знак созвездия Льва, соответствующий августу, считается злосчастным в народе.

² На севере в районе Барселуш есть местечко под названием Кова, но слово «Кова» также в португальском языке означает могилу.

Для вас, португалцы, я песню пою,
От вас не укрою тревогу мою.

Не ранить бы души вам песней унылой:
Нет книги грустней в Португалии милой!

АНТОНИО

Какая нынче ночь! Мой уголь, словно лёд:
Принёс его из клетки;
Сую его в камин, пусть пламя запоёт
О милом жарком лете!

Рождён в королевстве золотых алтарей
У берега моря.

Карлота старая^[1]! Рассказывай опять,
Люблю твои сказанья:
Ведь ты сможешь мне их в прошлом откопать —
Мои воспоминанья.

Я – внук мореходов, героев морей,
Правителей индий, бродяг, бунтарей,
Властителей моря!

Могильщик молодой, тебе вольно не спать,
И петь, и веселиться!
Мне тятку одолжи, мне надо откопать,
Что в памяти хранится.

Какие ветра! Ах, какие ветра
Гуляют на море!

Вставайте из могил, у церкви, на дворе,
Наивны, нелукавы,
Вставайте из могил, все в лунном серебре,
Вы, детские забавы.

Ночь нынче грознее, страшней, чем вчера!
Зажги у купели свечу, о, сестра,
За тех, кто на море...

Карлота у окна, шептала в кутерьму
Дождя и бездорожья:
«Мой мальчик, о, мой принц!
Ты счастья дай ему, Святая Матерь Божья!»

Во вторник пришёл я в неласковый мир,
Под звон колокольный!

Антонио возрастал, судьба его ласкала:
Был счастлив и любим!
(И боль, что с ним жила, в груди квартировала, —

Взростала вместе с ним...)

В карете судьбы захандрил пассажир,
Задумал покончить, печален и сир,
Я с жизнью бездольной...

Был ангелом одет на шествии он вскоре,
Осенней тусклой желтью
Пришлось ему нести (как плакал он, о горе!)
*Большую губку с Желчью...*³
Вы скоро замёрзнете, воды реки, Замёрзнете скоро!

Ах, тётушка моя, почтенная Дельфина^[2],
Она деньком дождливым
Молилась за меня у жаркого камина —
И вырос несчастливым!

О, воды речные и вы, родники!
Баюкают душу, чисты, глубоки,
Напевы немолчного хора...

В новены⁴ вечером ходил Христа просить:
Невинный детский лепет!
О, как хочу сейчас его я воскресить:
Тот пыл, тот чистый трепет!

Студенты бродили, где шум, толчея.
Ах, им за столом не сидится...

И крёстная^[3] времён с французами войны
Зарею голубою
На исповедь во храм, где горы зелены,
Брала меня с собою.

Таким же, как вы, был когда-то и я!
Повесы и плуты, плохие друзья!
Позвольте поэту трудиться.

Святым я шёл туда, но голос падре сдержан:
Он думал: озорство!
Я плакал и твердил, хоть был старик рассержен:

³ Антонио заставили идти в костюме ангела на религиозной процессии, где представлялась жизнь Христа, Его крёстные муки. Плакал, потому что дети не любят участвовать в таких шествиях. Мальчик нёс губку с желчью, аллегория той губки с уксусом, которую римские солдаты дали Христу.

⁴ Новёна (латинское novena – девять), у западных христиан девятидневное моление: молитвы, совершаемые ежедневно на протяжении 9 дней по образу девятидневного ожидания апостолами по вознесении Иисуса Христа ниспослания Святого Духа. В Католической Церкви и ряде протестантских деноминаций проведение новен не подчинено строгим нормам богослужебного устава. Они проводятся в отдельных общинах в период между Вознесением и Пятидесятницей, а также приурочиваются к другим временам церковного года или определенным ситуациям, когда желательны усиленные молитвы.

«Грехи? Ни одного!»

Ах, Иов – страдалец, весь – гной и гангрена,
Ты – мой аватар!

Молился по ночам (да так молюсь и ныне),
А дождь всё свирепел...
Казалось: я один среди водяной пустыни,
Лишь чайник пел-кипел...

Я жажду того же, склоняя колена,
Я подвигов веры ищу неизменно,
Пока я не стар!

Молил за тех, в Аду, кто стонет, изнемогший,
Чьё – всё в огне чело...
Некстати бормоча, продрогший и промокший:
– Какое там тепло!

Мука просыпалась из мельницы той,
Что в небе работает споро...

Звонарь бил тяжело в гудящую утробу:
Звон ввечеру суров!
И я на кухню шёл: бульон готов на пробу,
Бульон для бедняков...

Ах, мельник, что славен своей добротой!
Муки ты не трать так впустую, постой!
Зерно прорастает не скоро...

Служанки старые за прялкой коротали
Неторопливо ночь.
Чернушка лаяла, как совы пролетали,
Крича, летели прочь.

Вы по снегу шли у замёрзшей реки,
Босые, холодной весной!

Зе ду Теляду жил поблизости от нас^[4]:
Монахини смиренней
Вдова его просить ходила к нам не раз
Под вечер, в дождь осенний...

Раздетые, вот вам мои пиджаки,
Босые, носите мои башмаки...
Мне пары довольно одной...

Сентябрь, ещё жара, и праздник винограда^[5]!

И бедняки о хлебе
Нас просят ради душ, – да будет им награда! —
У Бога, там, на небе.

Когда я умру, этой болью объятый,
Меня упокойте вы в море!

Там были и слепцы с нетвёрдою походкой,
С незрячим взглядом вдаль!
И в язвах, в лишаях, а всё ж больных чахоткой
Мне было больше жаль...

От горя до горя, печалью заклятый,
Бреду я, покуда, водою разъятый,
Не стану частицею моря!

Вот в рамке траурной письмо^[6] – рыданье в ночь,
Родительское горе!
Как их утешить, тех, кто сына или дочь
Теряет там, на море!

Бьёт полночь... Удары! как медленно их
Звонарь отбивает – пластает....

О, этих родников вечерний плач осенний
Средь жаждущей травы!
И лунный свет кропит водою вдохновений
Всё тленное, увы...

И Виктор опять в уголочке притих,
Он – снова дитя, и слагает он стих,
Все слоги по пальцам считает!

Часы о полночи торжественнее били:
«Труш!» – так спадает груз.
И дедушка, что спал спокойным сном в могиле,
Входил, о, Иисус!

Сосед мой заходит, я стул пододвину:
Он голоден, жаль мне вдовца-горюна.

В прополку – тишина, как не было народа,
Никто не заходил.
А управляющий^[7] наш выбран от прихода:
Могильщиком он был...

Сосед, не спеши, сядь поближе к камину!
Вот ужин мой, видишь? Ты съешь половину
И выпей стаканчик вина!

Слуга скончался в ночь, заставил всех страдать:
О, горькая разлука!
Дрожа, его просил бабуле передать
Слова любви от внука...

Латинский квартал, ты усталый от зноя,
Усни после тяжкого дня!

О, африканские гитары рек, альты
И фад⁵ в тишине!
О, говорящих рек вода! Живая ты,
С угрями в глубине!

Ах, Жорж^[8], замолчи! Что же это такое?!
Ты даже охрип! Ну, оставь же в покое,
Безумный, оставь же меня!

На смоквы я влезал, что щедростью дивили:
Плодов – как в небе звёзд!
И в шапки рваные их нищие ловили:
Тянулись в полный рост...

О, добрые души, придите ко мне!
О, духи-кочевники, в вас – моя грусть!

В колодце заперта, как мавританка в замке,
Печальная луна!
Я опускал ведро, но в деревянной рамке
Была вода одна....

Я вас воскрешаю в ночной тишине!
А вы мне не верите там, в вышине...
И пусть вы не верите, пусть...

Мой первый стих упал на известь, точно слёзы, —
Церковный двор затих...
Нет в Португалии прекрасней Девы-розы,
О Ней мой первый стих.

О, если бы мог я помочь вам прозреть,
Слепцы, как легко вас обидеть...

Жнея-луна серпом вздымает звёздный прах,
Кружась в ночи нагая.

⁵ «Фад⁵» или «фаду» – особый стиль традиционной португальской музыки, эмоциональной доминантой которого является сложное сочетание чувств одиночества, ностальгии, грусти и любовного томления, называемое по-португальски «саудаде». Песни исполняются под аккомпанемент гитар и виол.

А лунный свет идёт часовням здесь, в горах,
Их известь обжигая.

Мне больно смотреть на вас, больно смотреть!
Но Боже! Уж лучше не видеть и впредь,
Чем мир, вроде этого, видеть...

Наш граф из Лиша был Горация знаток,
Большой знаток латыни!
И он меня учил, я помню тот урок,
Стихи те и доныне!

О, Смерть, ты теперь – моя добрая няня!
Чудесно баюкаешь ты!

Мой первый школьный день! Вернись! Кто может снова
В те дни меня увлечь!
Я помню дивный цвет костюма выходного
И волосы до плеч...

И ночью, как сон подкрадётся, дурманя,
Прошу я его, чтоб пришла его няня
С могил, где сажала цветы...

Ребята, сколько гнёзд вы погубили втуне!
Я гнёзда не искал.
Но покупал у вас прелестных щебетуний,
На волю отпускал...

Камоэнс, прославивший бурное море!
Приди мне помочь!

И узники тюрьмы в глаза с тоской глядели,
Как жаль их! Нету сил...
Я подходил туда, где стражники сидели,
За узников просил...

Зовусь, как твой раб, кто был верен и в горе,
Ты ради него и штормящего моря —
Приди мне помочь!

А если видел я: в опасности ребёнок,
Боязнь свою гоня,
Обидчика держал я изо всех силёнок:
«Не тронь! Ударь меня...»

Ну, ветер! Ну, ветер! Он парус сорвал,
У мачты трещат крепежи!

Когда колокола по мёртвому звонили,
Минутку улучу:
Шепну отцу, и он просил, чтоб разрешили
Мне подержать свечу^[9]...

Ну, волки морские, сжимайте штурвал,
Как судно трепещет, как пенится вал.
По ветру! По ветру держи!

Ах, ангелочков смерть! День похорон тяжёл,
Родным нет злее доли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.